

7. Рузавин Г. И. Методология научного познания. М.: Юнити, 2005.
8. Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2020).
9. Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru> (дата обращения: 03.03.2020).
10. Официальный сайт ГАС «Управление» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gasu.gov.ru> (дата обращения: 01.03.2020).
11. Официальный сайт ГАС «Выборы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 02.03.2020).
12. Официальный сайт ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 02.03.2020).

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

А. Г. Александрова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»,
aleksandrva-asya@rambler.ru
Научный руководитель:
Н. В. Сидорова,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент,
n.v.sidorova@utmn.ru

Сегодняшний мир отчетливо демонстрирует признаки технологической трансформации, одной из причин и следствий которой является развитие цифровой экономики. Государства, которые смогут быстро адаптироваться к условиям глобальных изменений, будут занимать ведущее положение на мировом рынке. Именно поэтому цифровизация во всех сферах жизни общества становится в России одним из ведущих направлений в реформах.

Первой задачей, не без оснований, государство ставит нормативное регулирование новых процессов и стабильное обеспечение уже существующих, являющихся базой для перехода к новому витку прогресса.

В целях создания условий развития информационного общества в России Президент Российской Федерации В. В. Путин в 2017 году подписал указ, где была закреплена Стратегия до 2030 года. Нормативный акт называет национальными интересами укрепление российской экономики, в том числе обеспечение защиты российских организаций, реализующих свою продукцию на традиционных рынках.

Осуществление предпринимательской деятельности, особенно индивидуальными предпринимателями и субъектами малого бизнеса, в современных реалиях практически всегда требует полного присутствия и участия руководителей. В связи с этим только сам факт возбуждения уголовного дела создает определенные проблемы для хозяйствующего субъекта.

Направленные на достижение поставленных целей в вышеупомянутой Стратегии мероприятия находятся в прямой взаимосвязи с защитой бизнеса от незаконного уголовного преследования, борьба с которым началась достаточно давно.

Уголовно-процессуальное законодательство уже имеет некоторые особенности, направленные на реализацию мер по обеспечению стабильности экономических процессов. Это, в том числе, установление частного публичного обвинения в отношении некоторых категорий преступлений в этой сфере, закрепление особого порядка признания предметов и документов вещественными доказательствами.

Подробнее хотелось бы остановиться на одной из наиболее острых проблем в рассматриваемом контексте, а именно избрании мер пресечения в отношении лиц, чьи преступления были связаны с предпринимательской деятельностью.

Конец декабря 2009 года ознаменовался внесением поправок в некоторые законодательные акты. В частности, в ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) была введена часть 1¹, которая, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, является дополнительной гарантией конституционного права на свободу и личную неприкосновенность [1]. Данное положение установило запрет избирать заключение под стражу и домашний арест в качестве мер пресечения в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в некоторых преступлениях в сфере экономики без наличия обстоятельств, закрепленных в ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Несмотря на то что данная норма была введена 10 лет назад, практика значительно не изменилась. В новостных лентах мелькают всё новые и новые журналистские заголовки, которые говорят об очередном применении меры пресечения в виде заключения под стражу в преступлении, квалифицирующемся, например, как мошенничество или растрата.

Как законодатель нормативно установил данный запрет? Действительно ли правоприменители стараются его «обходить»? Какова сегодняшняя статистика по избранию самых строгих мер пресечения? Эти и другие вопросы будут рассмотрены ниже в процессе анализа практики судов и научной литературы.

Выбор законодателем составов преступлений, которые позволяют избежать домашнего ареста и заключения под стражу, продолжается до сих пор. Список постоянно пополняется: последняя поправка в части 1¹ ст. 108 УПК РФ была внесена 2 августа 2019 года.

Первая группа – это преступления против собственности, совершённые в сфере предпринимательской деятельности, среди которых мошенничество (за исключением частей 5–7 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации: они относятся в данной классификации к другой группе), растрата и присвоение, злоупотребление полномочиями и др.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 в п. 7 закрепляется, что при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных частями 1–4 ст. 159, статьями 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165, суд во всех случаях должен выяснить, в какой сфере деятельности совершено преступление. Чтобы определить предпринимательский характер деятельности, правоприменители должны обращаться к п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Вторая группа составов – конкретные преступления в сфере экономической деятельности.

И если при квалификации в рамках второй группы преступлений почти полностью исключается возможность «обхода» этого запрета следователями и судами, то в отношении первой практика, мягко говоря, несовершенна. Суды при возбуждении ходатайства о применении мер пресечения по составам, указанным в ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ, часто приходят к выводу, что данные преступления не связаны с осуществлением подозреваемым или обвиняемым предпринимательской деятельности, хотя при анализе имеющихся доказательств очевидно обратное, или полностью игнорируют свою обязанность по выяснению сферы, в которой было совершено преступление.

Если действия подозреваемого или обвиняемого попадают под признаки не только тех преступлений, которые не закреплены в ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ, но и других, суд вправе при наличии оснований применить любые меры пресечения в отношении этого лица. Это создает возможность обхода запрета вменением дополнительного состава при квалификации: например, организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ).

В свете рассматриваемого проблемного вопроса необходимо отметить, что не уделяется должного внимания тому факту, что, в соответствии с ч. 3 ст. 107 УПК РФ, домашний арест имеет аналогичный порядок применения с тем, который установлен для заключения под стражу. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении указал, что лишь условия, связанные с видом и размером наказания, которые установлены для заключения под стражу, не распространяют свое действие на домашний арест, поскольку они не предусмотрены статьей, регламентирующей данную меру пресечения. Косвенно это подтверждает и позиция Конституционного Суда, который в своей практике отмечает, что домашний арест не может быть избран при

отсутствии специальных оснований, перечисленных в ч. 1 ст. 108 УПК РФ [2].

Означает ли это, что ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ также распространяет свое действие на регулирование применения домашнего ареста? В литературе встречаются точки зрения, которые позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. Авторы считают, что ч. 3 ст. 107 УПК РФ закрепляет обязанность суда при избрании домашнего ареста руководствоваться ст. 108 УПК РФ, в том числе положениями ч. 1¹ [3].

Ситуацию игнорирования судами данного запрета не обходит стороной и Верховный Суд Российской Федерации. Постановления Пленума Верховного Суда в 2013, 2016 году снова и снова обращают внимание судов на обязанность соблюдать положения ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ. В обзоре практики Верховный Суд Российской Федерации констатирует: ходатайства органов предварительного расследования часто удовлетворяются без указания обоснования, как суд пришел к выводу о том, что эти преступления не были совершены в сфере предпринимательской деятельности, при том что сторона защиты приводит достаточно убедительные доводы. Такие решения являлись причиной как необоснованного заключения лица под стражу, так и продления срока содержания его под стражей [4].

В докладе «Уголовное преследование по экономическим делам – 2017», подготовленном Экспертным центром Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, отмечается та же тенденция практики «обхода законодательства». При этом приводятся не самые оптимистичные факты: 80% предпринимателей, имеющих в биографии факт заключения под стражу и арест по подозрению или обвинению в мошенничестве, прекратили свою деятельность или снялись с учета как ИП. В качестве причин такого явления называют невозможность свободного ведения бизнеса, потерю времени, испорченную репутацию, необходимость решения проблем с правоохранительными органами [5].

Все меры Верховного Суда Российской Федерации, направленные на сглаживание ситуации и предоставление судам толкования ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ, не привели к перелому сложившейся практики, о чем свидетельствуют последние имеющиеся на данный момент статистические данные (за 2018 год): 90,7% (539 из 594) ходатайств об избрании заключения под стражу в отношении лиц, обвиняемых в преступлениях в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ), и 89,9% (22 004 из 24 487) в отношении лиц, обвиняемых в преступлениях в связи с предпринимательской деятельностью (ст. 159–159.6 УК РФ), судом удовлетворено [6].

Новый доклад Бориса Титова в 2019 году тоже содержит неутешительные сведения: мера пресечения избрана в отношении каждого второго обратившегося в адрес Уполномоченного по вопросам уголовного преследования [7].

Подход правоприменителей подверг критике и Европейский Суд по правам человека в деле «Рубцов и Балаян против России», где отмечается, что российские суды не рассматривали предполагаемые преступления заявителей как совершённые в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и не объясняли причины неприменности п. 1¹ ст. 108 УПК, что не позволило заявителям подать содержательную апелляционную жалобу [8].

Достаточно логичным является вопрос, в связи с чем следователи и суды игнорируют данный запрет. Версии могут быть разными, от получения взяток (в связи с тем, что дела часто связаны с многомиллионными сделками, а значит, поиском, в том числе, неправых средств с целью «убрать с пути» конкурента) и повышения показателей работы до возможного опасения судей, что очередной мошенник, который незаконно завладел денежными средствами наивных граждан, будет иметь возможность скрыться в другом государстве (или иным способом) от следствия.

Какими бы ни были причины, однозначно можно сказать одно: на данный момент норма практически не работает. Наверняка когда-нибудь, может быть другими способами, будут достигнуты цели реализации мер по защите бизнеса: отграничение преступлений от гражданско-правовых деликтов, исключение вероятности использования уголовного преследования в качестве способа разрешения гражданско-правовых споров.

А пока, в связи с острой проблемой правоприменения данной нормы, Борис Титов предлагает в таких ситуациях обязать суды учитывать варианты применения мер, не связанных с лишением свободы, предоста-

вить прокурору право согласования постановления о возбуждении ходатайства об избрании заключения под стражу или домашнего ареста, в том числе о продлении сроков, а также закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве требование обоснования необходимости применения мер пресечения.

Любые предложения по введению в уголовный процесс специальных норм по отношению к предпринимателям вызывают вопросы касательно того, насколько это правомерно с точки зрения конституционных принципов права, в частности, одного из главных — равенства перед законом и судом.

Но некоторые поднимаемые бизнес-омбудсменом проблемы, которые связаны с реализацией положений УПК РФ, направленных на защиту бизнеса, все-таки начинают решаться на законодательном уровне. Грядущие изменения коснулись и практики незаконного применения мер процессуального принуждения.

В марте 2020 года Государственная Дума Российской Федерации в третьем чтении приняла внесенную В. В. Путиным поправку в статью Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающую ответственность за организацию преступного сообщества и участие в нем. Чтобы изменить практику органов предварительного расследования по вменению «дополнительного состава» предпринимателям в целях обхода запрета по избранию самых строгих мер пресечения, законодатель исключил из ст. 210 УК РФ некоторых субъектов, в частности учредителей и руководителей юридических лиц.

Насколько эффективной будет данная мера, сказать сложно. К сожалению, на данный момент юридическим и предпринимательским сообществами отмечается тенденция по увеличению количества возбужденных уголовных дел и нарушений процессуального законодательства в отношении предпринимателей, несмотря на активную политику государства, направленную на «гуманное» отношение к бизнесу.

Кроме того, поднимаются вопросы об изменении «общих» уголовно-процессуальных механизмов. Так, в конце января этого года Президент Российской Федерации утвердил перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встречи с уполномоченными по правам человека, в котором Верховному Суду Российской Федерации было рекомендовано оценить целесообразность введения института следственного судьи. Если законодатель решится на внесение подобных изменений, это в том числе отразится и на обсуждаемой проблеме, так как рассмотрение жалобы на избрание и продление меры пресечения в виде заключения под стражу как предмет судебного контроля на данный момент, по мнению заместителя председателя Верховного Суда Российской Федерации Владимира Давыдова, ограничено отсутствием правовых механизмов у судьи для проверки доказанности подозрений или обвинений.

Точных прогнозов сделать нельзя, но пока всё идет к тому, что в ближайшее время ситуация не изменится и в СМИ будут продолжать появляться сведения о всё новых и новых бизнесменах и (или) мошенниках, в отношении которых была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, что негативно влияет на становление уверенной цифровой экономики, которая базируется на стабильности экономического и гражданско-правового оборота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.04.2017 № 767-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барченкова Дмитрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой. 1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=498600#04003169466625147> (дата обращения: 10.12.2019).
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2018 № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. №14. Ст. 2027.
3. Семенов Е. А., Давыдова М. Г. Особенности применения меры пресечения в виде домашнего ареста в отно-

шении подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / Е. А. Семенов, М. Г. Давыдова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 6 (32).

4. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2017 / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/ (дата обращения: 12.12.2019).

5. Уголовное преследование по экономическим делам – 2017. Доклад Экспертного центра Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей на основе анализа обращений к уполномоченному, судебной практики, данных ФСИН России и предварительных данных ГИАЦ МВД России о числе зарегистрированных преступлений в 2017 году / Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://president-sovet.ru/files/0b/01/0b01309bf35c74e445f463a329ab61e2.pdf> (дата обращения: 11.12.2019).

6. Уголовное судопроизводство. Применение мер пресечения / Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/13/s/14> (дата обращения: 04.12.2019).

7. Уголовное преследование предпринимателей. Доклад Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей / Доклад Президенту РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2019/4.pdf> (дата обращения: 19.12.2019).

8. Решение ЕСПЧ по делу «Рубцов и Балаян против России» от 10.04.2018 по жалобам № 33707/14 и 3762/15 / Европейский суд по правам человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-182211> (дата обращения: 12.12.2019).

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА

А. Д. Байдашин,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»,
stud0000195838@study.utmn.ru
Научный руководитель:
С. В. Погребняк,
старший преподаватель по совместительству
кафедры уголовного права
и процесса ИГиП ТюмГУ,
s.v.pogrebnyak@utmn.ru

Федеральным законом от 5 мая 2014 года № 128-ФЗ были внесены поправки в действующий в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее также – УК РФ), которые впервые криминализировали такое деяние, как реабилитация нацизма. Научное сообщество приняло данную новеллу неоднозначно, и сразу же после введения ст. 354.1 начались дискуссии на тему ее применения, квалификации деяний и т. п.

Рассматривая диспозицию данной статьи и учитывая то, для чего она была введена законодателем, с уверенностью можно говорить о том, что направлена она, прежде всего, на сохранение исторической памяти Российской Федерации о годах Великой Отечественной войны [3]. Однако стоит отметить, что видовой объект рассматриваемой статьи охватывает куда больший круг общественных отношений и не ограничивается сохранением исторической памяти.

Прежде всего, стоит исходить из того, что представляет собой идеология нацизма и какие последствия для всего человечества и мира она может повлечь. По своей сути нацизм – это открытый призыв к агрессии против остальных государств, соответственно проявление данной идеологии в современном мире вполне способно повлечь за собой преступления, предусмотренные главой 34 Уголовного кодекса Российской Федерации. Именно поэтому ст. 354.1 УК РФ рассматривается не только со стороны сохранения памяти и истории, но и со стороны недопущения «переписывания» исторических фактов Второй мировой войны, а именно отрицания